

Агата Кавеца (Лодзь, Польша)

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О СЕМАНТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ „ОБЩНОСТИ“ В РАЗВИТИИ БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКА

(на материале царских грамот XIII–XIV вв.)

1. Исследования языковых систем в синхроническом плане, проводимые с перспективы функционального уровня, позволили в последние десятилетия выделить в них ряд универсальных семантических категорий, к которым относится также категория определенности/неопределенности. Связанные с ней проблемы вписываются в общую сферу исследований языковой коммуникации, основной целью которой является передача информации. Язык как средство коммуникации развил соответствующие формы и конструкции (позволяющие в различной степени идентифицировать объекты речевых актов), в которых выражается не только знание (либо его отсутствие) автора высказывания на тему предмета, о котором идет речь, но также гипотетическое знание (или незнание) адресата.

Если мы примем универсальный характер семантической категории, то надлежит признать, что она должна проявляться на каждом этапе развития каждого языка. По причине структурного различия языковых систем невозможно, однако, создать и описать универсальный репертуар формальных средств, выражающих в разных языках одни и те же компоненты содержания. Касается это прежде всего морфологического уровня, т.к. значительное количество языков не развило специальных форм определенного и неопределенного артикля (члена), считающихся основной формальной реализацией категории определенности/неопределенности в рамках номинальной фразы. Анализ функции артиклей не исчерпывает в свою очередь проблемы определенности/неопределенности, поскольку артикль – это лишь одно из средств, выражающих эту категорию. Чтобы получить четкую и более полную картину явления, необходимо провести описание также группы специализированных соответствующих лексем в языке. В течение последних десятилетий было опубликовано множество синхронических лингвистических работ, касающихся разных аспектов категории определенности/неопределенности (как функциональных, так и формальных); большинство из них посвящено языкам, в

которых выступают артикли. Значительно реже эта категория исследуется с диахронической точки зрения, хотя – как было отмечено выше – принятие ее универсального характера означает согласие с утверждением о ее проявлении на каждом этапе развития языка.

Как было указано выше, различие языковых систем не позволяет создать универсального списка формальных средств, выражающих в разных языках одно и то же содержание. Подобные ограничения создает и попытка исследовать это явление на диахроническом уровне в отношении одной языковой системы, так как в силу эволюционных тенденций данного языка группа формальных средств подвергается большим или меньшим модификациям. Тем не менее представляется, что попытки провести такой анализ вполне обоснованы и могут приблизить нас к более полному описанию развития данной языковой системы.

Главной целью представленных ниже рассуждений является краткая презентация различных формальных средств, с помощью которых на конкретном этапе развития болгарского языка (рубеж XIII и XIV вв.) на поверхностном уровне выражалась семантическая подкатегория „общности“ (входящая вместе с подкатегорией „экзистенциальности“ в состав т.н. категории неопределенности)¹. Методологической основой описания является квантификационная модель категории определенности/неопределенности², разработанная В. Косеской-Тошевой³. Автор модели в своих исследованиях, посвященных системе современного болгарского языка⁴ (в том числе – в сравнении с польским и русским), считает, что данная категория реализуется на уровне целого высказывания (в других работах эта категория приписывается только номинальным фразам)⁵, однако в настоящей статье описание явления и при-

¹ Подробно проблема категории определенности/неопределенности в диахроническо-сопоставительном аспекте была представлена в монографии А. Кавецкой (K a w e c k a, A. Określoność/nieokreśloność w rozwoju języka bułgarskiego i serbskiego. Łódź, 2009).

² В модели В. Косеской-Тошевой в рамках категории определенности/неопределенности выделяются две субкатегории: определенность („единичность“) и неопределенность („экзистенциальность“ и „общность“).

³ Библиография работ В. Косеской-Тошевой, касающихся этого явления, обширна; здесь мы ограничимся указанием лишь наиболее важных публикаций: K o s e s k a - T o s z e w a, V. Semantyczne aspekty kategorii określoności/nieokreśloności (na materiale z języka bułgarskiego, polskiego i rosyjskiego). Warszawa, 1982; K o s e s k a - T o s z e w a, В., Г. Г а р г о в. Българско-полска съпоставителна граматика. Т. 2. Семантичната категория определеност/неопределеност. С., 1990.

⁴ Методология, разработанная на базе квантификационной модели, использовалась также и в диахронических исследованиях, ср. напр.: K a w e c k a, A. Kategoria określoności/nieokreśloności i jej formalne wykładniki w Tichonrawowskim i Krninskim damaskinie. – Południowosłowiańskie zeszyty naukowe. Język, literatura, kultura, 1, 2004, 85–96; K a w e c k a, A. Dystrybucja leksemu „един“ w wybranych bułgarskich damaskinach. – Południowosłowiańskie zeszyty naukowe. Język, literatura, kultura, 2, 2005, 37–47; K a w e c k a, A. Kilka uwag o przymiotniku jako wykładniku egzystencjalności w rozwoju języka serbskiego. – Południowosłowiańskie zeszyty naukowe. Język, literatura, kultura, 5, 2008, 19–27.

⁵ Ср. напр.: Т о п о л и њ с к а, З. Граматика на именската фраза во македонскијот литературен јазик. Скопје, 1974; Т о п о л и њ с к а, З. Wyznaczoność (tj. Charakterystyka referencyjna)

веденные примеры на материале грамот болгарских царей XIII и XIV вв.⁶ ограничиваются лишь предметными номинальными фразами.

Выбор источников обоснован тем, что грамоты – многократно опубликованные⁷ – причисляются к группе самых важных памятников письменности среднеболгарского периода. И хотя они были предметом анализа многих специалистов, о чем свидетельствует богатая посвященная им литература⁸, они до сих пор вне сомнения открывают новые возможности для разноплановых медиевистических исследований (в том числе – лингвистических).

2. В настоящей работе термин „общность“ понимается (согласно Косеской-Тошевой) как выражение $(\forall x) P(x)$, стоящее перед предикатом P в семантико-логической структуре предложения и объясняемое следующим образом: *для каждого x , имеющего в данном языке показатели на лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях, функция P выполнена*⁹.

Для описания множества индивидуальных предметов (однако без возможности их обозначения) служат т.н. неопределенные дескрипции (то есть простые или сложные предикативные выражения, для которых характерна многозначность)¹⁰, выступающие в языках, имеющих артикли, в зависимости от типа выражения либо с неопределенным артиклем, либо без артикля. Поскольку болгарская языковая система не развила неопределенного артикля, в данном случае его функцию (в определенных условиях) принимает оп-

grupy imiennej w tekście polskim. – Polonica, 2, 1976, 33–72; Т о р о л и њ с к а, Z. Składnia grupy imiennej. – In: Gramatyka współczesnego języka polskiego. Składnia. Warszawa, 1984, 301–389.

⁶ В статье анализируется материал текстов восьми грамот болгарских царей по их новейшему изданию А. Даскаловой и М. Райковой (Д а с к а л о в а, А., М. Р а й к о в а. Грамоти на българските царе. С., 2005) – Ватопедской грамоты (Ват. гр.), Дубровницкой (Дуб. гр.), Виргинской (Вир. гр.), Зографской (Зогр. гр.), Оряховской (Ор. гр.), Рильской (Рил. гр.), Витошской (Вит. гр.) и Брашовской (Бр. гр.).

⁷ Издания: И л ь и н с к и й, Г. Грамоты болгарских царей. М., 1911; И в а н о в, Й. Български старини из Македония. С., 1970; Д а с к а л о в а, А., М. Р а й к о в а. Цит. соч.; кроме этого многократно издавались также отдельные тексты.

⁸ В этом месте невозможно перечислить все публикации, посвященные конкретным текстам, поэтому мы приведем лишь несколько избранных: А п р и л о в, В. Болгарские грамоты, собранные, переведенные на русский язык и объясненные. Одесса, 1845; А н д р е в, М. Ватопедската грамота и въпросите на българското феодално право. С., 1965; Д у й ч е в, И в. Рилската грамота на цар Иван Шишман от 1378 година. С., 1986 (+ факсимилно издание на Рилската грамота); Г ю з е л е в, В. Средновековна България в светлината на нови извори. С., 1981, 18–20, 156–182; Д а с к а л о в а, А. Евтимиевият правопис и царските грамоти от края на XIV век. – В: Търновска книжовна школа. Т. 6. Българската литература и изкуство от търновския период в историята на православния свят. В. Търново, 1999, 165–174; Р а й к о в а, М. Към лексиката на Витошката грамота. – Palaeobulgarica, 26, 2002, № 2, 62–69. Подробный обзор научной литературы, посвященной этим памятникам письменности, можно найти в публикации Д а с к а л о в а, А., М. Р а й к о в а. Цит. соч., 425–443.

⁹ К о с е с к а - Т о ш е в а, В., Г. Г а р г о в. Цит. соч., с. 35.

¹⁰ Ср. определение в: К а р о л а к, S. Deskrypcja nieokreślona – In: Encyklopedia językoznawstwa ogólnego. Red. K. Polański. Wrocław–Warszawa–Kraków, 2003, 113–114.

ределенный артикль¹¹. В качестве неопределенных воспринимаются также некоторые фразы без формального показателя в виде артикля или его субститутов.

В номинальной фразе „общность“ в современном болгарском языке может выражаться двояко: с помощью морфологических или лексических средств. Естественно – в силу эволюционных процессов каждого языка – не все формальные показатели, типичные для сегодняшней болгарской языковой системы, засвидетельствованы также на ранних этапах ее развития (касается это в особенности морфемы артикля, развившейся из старой формы показательного местоимения *тъ*). Тем не менее, представленные ниже средства выражают один и тот же компонент содержания – подкатегорию „общности“.

3. Один из наиболее типичных классов, выражающих „общность“ в исследуемый период развития болгарского языка, составляют менее или более развернутые языковые выражения без артикля. В состав этой группы входят чаще всего нарицательные существительные в форме единственного или множественного числа, выступающие в позиции подлежащего либо второстепенного члена предложения, конституирующие фразу самостоятельно, либо в группе с прилагательными.

В процессе парафразирования приведенных ниже предложений могут использоваться лексемы типа *все, каждый, никакой, любой* (ср. напр. [2]: ‘правдивым является утверждение, что *каждый* царь украшает себя каким-то алмазом/драгоценными камнями/жемчужинами’). Также необходимо принять, что во многих случаях использование нарицательного существительного в функции „общности“ требует соотнесения предложения с более широким контекстом или конституацией¹², т.к. его самостоятельное употребление допускает определенную недосказанность, открывающую путь к неоднозначным интерпретациям. Фраза подлежащего в приведенном ранее высказывании (с номером [2]) может интерпретироваться двояко – 1) так, как указано выше, т.е. ‘*каждый* царь украшает себя алмазом...’ – и тогда она действительно содержит компонент „общности“, неопределенности; 2) как относящаяся к ‘*тому конкретному* царю, о котором речь шла раньше, известному автору и/или адресату высказывания’ – в таком случае эта же фраза причислялась бы уже ко классу определенных, то есть маркированных „единичностью“. В определенных условиях, принимая во внимание упомянутый выше контекст (или конституацию), допустимой могла бы быть также экзистенциальная интерпретация фразы: 3) ‘*какой-то* царь украшает себя алмазом...’, тогда как его отсутствие исключает этот вариант.

3.1. В грамотах болгарских царей среди неразвернутых номинальных фраз, выражающих „общность“, чаще всего встречаются фразы, основанные на

¹¹ Ср. также: К о с е с к а - Т о ш е в а, В. Върху някоя проблеми на категорията определеност/неопределеност в български и полски. – В: Първи международен конгрес по българистика. Т. 3. С., 1982, 72–76; К о с е с к а - Т о ш е в а, В., Г. Г а р г о в. Цит. соч.

¹² См.: R o s z k o, R. Semantyczna kategoria określoności/nieokreśloności w języku litewskim. Warszawa, 2004, s. 123.

нарицательном существительном, обозначающем название профессии или исполняемую в данной среде функцию. В большинстве случаев фразы, интерпретируемые как выражающие „общность“, выступают с сочинительным союзом ни, первичной функцией которого является соединение сочиненных отрицательных предложений или однородных членов отрицательного предложения.

3.1.1. Неразвернутые номинальные фразы. Тип: NP → Nom. Appell.

[1] нѧ тѣми люми да не метѣха ни кефалине срѣдашзское. то ни мв прахторѣ. ^{ни} ^{кастрофилаци} ни мв деса тници. ни примикюре же ни алдагаторѣ. потомз ни перзпира. ке црѣа ми. ни житаре. ни винаре ни десаткаре пчелни. и свини. и ввчи то ни а похаторѣ. ни комисни страторѣ. ни грѣаре. ни вара ре. ни поводд. ни пѣлице. ни крагваре же ни песиѣци. ни сѣндаре. ни фвнз. ни глобы. то ни да иматъ ввласти стаа софина нѧ люми прѣчистѣ бгомтре. [...] то ни единыа ввласти да не смѣатъ забавити тѣмъ люемъ прѣчистѣ бгомтре витошзскж. (Вит. гр.)

[2] оузрашае' бо са црѣ дѣдимом, и каменѣем, и висрѣмь многоцѣннѣи (Рил. гр.)

[3] да имь не смѣа забавѣти, иже сѣ се в дсти и прахтвори: и примикюри. и алдагатори. ни сѣ дѣе. потѣ ни перпираке. ни житаре. ни винаре. ни десаткаре пчелни. и свинни. и ввчи. [...] ни крагоцара же. ни пѣсѣдци. ни градарѣ. ни в арничѣе. и повирчѣе. и находници. (Рил. гр.)

3.2. Следующая группа номинальных фраз со значением „общности“ – это те, в которых единственным элементом (в случае фраз неразвернутых) либо одним из элементов (в случае фраз развернутых) является обобщающее местоимение, принимающее форму множественного числа (вси/въси). Здесь оно выступает в своей первичной функции общего обозначения множества. И хотя значение фразы во множественном числе практически идентично с такой же фразой в единственном числе, контекстовая обусловленность, опирающаяся на принципы формальной логики, играет решающую роль в выделении: 1) т.н. универсальной коллективной квантификации, охватывающей все объекты *x*, являющиеся предметом коммуникации, и 2) т.н. универсальной дистрибутивной квантификации, относящейся к каждому объекту *x* по отдельности¹³.

Обобщающие местоимения могут самостоятельно конституировать фразы, а также – как и другие показатели – могут быть одним из их элементов (ср. ниже). В ситуации, когда местоимение не является единственным компонентом фразы, в исследованном материале чаще всего оно выступает в препозиции, а выражения, в которых местоимению сопутствует по крайней мере одно нарицательное существительное, являются однозначным носителем значения собственно „общности“¹⁴.

¹³ Ср. напр.: Косеска - Тошева, В., Г. Гаргов. Цит. соч., с. 113.

¹⁴ Ср.: Roszko, R. Цит. соч., с. 123.

В царских грамотах были выделены следующие типы наиболее часто выступающих фраз со множественной формой обобщающего местоимения:

3.2.1. Неразвернутые номинальные фразы. Тип: NP → Pron. Gen.

[4] тѣкмо в ъ с и да ѿгоними биваатъ явлениемъ сего ХРИСОВЪЛА црѣва ми. тѣкмо единъ ерѣменъ прѣчистѣ бгомѣре, романъ. а инъ никто да са не сметъ поксцити. то ни забавити тѣмъ людемъ ни до единого власа. кто ли са иметъ поксцити их и забавити ако и ѿ единомъ власъ. да е проклатъ ѿ ѿца. и сна. и стго дха. и ѿ прѣчистѣ бгомѣре. и ѿ. ви. аптлѣ и ѿ тии. сты и бгносны ѿтцѣ никейскѣ. (Вит. гр.)

[5] насилѣмъ хлѣба възати, ни коурета оубити. ни ногоа възма стати на дворѣ ихъ. нѣ в ъ с и да ѿгоними биваѣ, и да ѿстоятъ далече явлениемъ сего златопечатлѣннаго слова црѣва ми. (Рил. гр.)

3.2.2. Развернутые номинальные фразы

Среди развернутых фраз с компонентом в виде обобщающего местоимения в выбранном для анализа материале засвидетельствованы случаи употребления полной формы прилагательного (см. пример [7]). Существующие до сих пор исследования вне всяких сомнений доказали, что функционирующие со времен праславянского языка типы прилагательных (краткие и полные) различались не только с формальной, но и с функциональной точек зрения¹⁵ и были непосредственно связаны с категорией определенности/неопределенности. Н. И. Толстой в одной из своих работ пишет: „Для старославянского языка [...] грамматическая категория определенности/неопределенности находилась в некоторой связи, а в отдельных случаях и в прямой зависимости от значения или семантического класса прилагательного“¹⁶.

Появление в данном классе фраз с полной формой прилагательного может быть следствием факта, что на рубеже XIII и XIV вв. в болгарском языке эти прилагательные начинают постепенно терять черты исключительно определенных форм. С другой стороны, однако, в указанном примере [7] прилагательное может интерпретироваться как исполняющее субстантивную функцию, что в свою очередь заставляет нас согласиться с повторяющимся в научной литературе мнением о том, что в ранний период развития славянских языков простые (краткие) прилагательные, выступающие в функции существительного, постепенно вытеснились полными прилагательными. Эта точка зрения может относиться также ко фразам, маркированным „общностью“¹⁷. Цитированный выше Н. И. Толстой в другой своей работе отмечает

¹⁵ См. напр.: Ми р ч е в, К. Историческа граматика на българския език. С., 1978, 175–179; Ва г т у л а, Cz. Podstawowe wiadomości z gramatyki staro-cerkiewno-słowiańskiej na tle porównawczym. Warszawa, 1997, 61–63; Т о л с т о й, Н. И. Значение кратких и полных форм прилагательных в старославянском языке (на материале евангельских кодексов). – В: Т о л с т о й, Н. И. Избранные труды. Т. 3. Очерки по славянскому языкознанию. М., 1999, 52–170; Т о л с т о й, Н. И. К вопросу о судьбе славянских кратких и полных прилагательных. – В: Т о л с т о й, Н. И. Избранные труды..., 171–190; М о с з у њ с к и, L. Wstęp do filologii słowiańskiej. Warszawa, 2006, s. 272.

¹⁶ Т о л с т о й, Н. И. К вопросу..., с. 171.

¹⁷ См. также: Б е л и њ, А. Историја српског језика. Изабрана дела. Т. 4. Београд, 1999, с. 256.

следующее: „Рассмотрев употребление полных и кратких форм субстантивированных прилагательных в случаях, когда единичность предмета не выражена (т.е. случаи, соответствующие неопределенности и нейтральности в атрибутивной функции), мы вынуждены отметить преобладание полных форм“¹⁸.

Значительно дольше формально-функциональные различия могли удерживаться в атрибутивном и предикативном употреблении, хотя в исследованном материале также среди развернутых фраз с обобщающим местоимением и прилагательным преобладают полные формы прилагательных.

3.2.2.1. Тип: NP → Pron. Gen. + Nom. Appell. + Nom. Appell. + Pron. Dem.

[6] Та же [...] Село, градечница, съ люми по имени. поп тоудворь съ дѣтми моу, и съ родом' моу, и петръ феѡдосовъ съ братїами си. и въ сѧ прѧвинны мѣста то-го. (Рил. гр.)

3.2.2.2. Тип: NP → Pron. Gen. (+ Nom. Appell.) + Adj. (+ Pron. Pers./Poss.)

[7] и чзсть къ стѣимь его црквамь, и вѣтвномуу вбразоу его и къ въ сѣмь стѣи его. (Рил. гр.)

[8] а ѿ всѣхъ болѣрз и работникъ [...] малыи же и великыи. посилаемыхъ. по всѣ времена по всей хорѣ. възприемати дани (Ор. гр.)

3.3. Если лексема *вьсь* появляется во фразе в форме единственного числа, она обозначает элемент множества, выражая т.н. дистрибутивную общность. Это значит, что она отдельно указывает на сферу значения каждого из объектов, которые могут исполнять функцию аргумента при предикате. В принципе это местоимение (также как его множественная форма) может самостоятельно конституировать фразу либо являться одним из ее элементов и употребляться как в препозиции, так и постпозиции по отношению к существительному, являющемуся центром фразы. В нашем материале как правило оно употребляется все же в сложных фразах, в соединении с нарицательными существительными.

3.3.1. Развернутые номинальные фразы.

3.3.1.1. Тип: NP → Pron. Gen. + Nom. Appell. (+...) + Pron. Poss.

[9] И еще къ симь, аще кто начыне ѿ людей монастыр'скыи ходити с коупїѧ з добиткѧ свой по въ сѣи дрьжавѣ и власти цртва моего. да коуповаѧ и да продаваѧ свободно. (Рил. гр.)

3.4. Носителем информации, маркированной „общностью“ в засвидетельствованном материале, является также отрицательное местоимение *никъто/никто*. Этот класс исторически связан с вопросительными местоимениями, от которых он создавался с помощью префикса *ни-* и его функция заключается в отрицании существования объекта (предмета) либо свойства.

¹⁸ Толстой, Н. И. Значение..., с. 165.

Каждое из приведенных ниже предложений может парафразироваться таким образом: ‘для *каждого* объекта *x*, являющегося предметом речевого акта, неправдивым является *P*’.

Местоимения, выражающие „общность“, могут самостоятельно конструировать фразу (ср. пример [10]) либо входить в состав более сложных выражений. В таких случаях остальные элементы фразы сужают сферу ее значения – это касается особенно выражений, содержащих предлоги типа *из, среди*, сообщающие, что то, о чем идет речь в предложении, относится к выделенной части какого-либо множества (ср. напр. [12–14]). Если отрицательное местоимение является единственным элементом фразы, оно всегда маркировано „общностью“. В случае комбинации с неопределенным местоимением инь квантификация может измениться на „единичность“, если фраза в результате контекстовой обусловленности обозначает: ‘никто иной = только этот’. В приведенных примерах указанные конструкции однако исключают возможность такой интерпретации.

3.4.1. Неразвернутые номинальные фразы. Тип: NP → (Pron. Indef. +) Pron. Neg.

[10] да имь не имать ни к то послити ни о единимъ власѣ. (Рил. гр.)

[11] тѣкмо възси да ѿгоними биваатъ явлениемъ сего ХРИСОВѢЛА црѣва ми. тѣкмо единъ ерменъ прѣчистѣ бгомтрѣ. романъ. а инъ ни к то да са не сметъ покзсити. то ни забавити тѣмъ людемъ ни до единого власа. кто ли са иметъ покзсити их и забавити ако и ѿ единомъ власѣ. да е проклатъ ѿ ѿца. и сна. и стго дха. и ѿ прѣчистѣ бгомтрѣ. и ѿ. в. аптаъ и ѿ тин. стѣ и бгносны ѿтцъ никенскѣ. (Вит. гр.)

3.4.2. Развернутые номинальные фразы

3.4.2.1. Тип: NP → (Pron. Indef.) + Pron. Neg. + ѿ + X

[12] ни инъ ни к то ѿ възсѣ волѣрь и работникъ цртѣва ми. великы хъ и малы (Рил. гр.)

[13] ни к то ѿ тако вѣ да не смѣ забавити тѣмъ людемъ стго ѿца. (Рил. гр.)

[14] такоже и еще кз симъ, ни к то ѿ тако вѣ да не смѣть насилѣмъ възлѣсти въз села, и въз люди, того монастырѣ цртѣва ми стго ѿца. (Рил. гр.)

3.5. Следующим показателем „общности“ в номинальной фразе является прилагательное. В работах по исторической лингвистике указывается, что староболгарский язык с формальной точки зрения развивал два праславянских типа прилагательных: простой (краткий), склоняющийся как существительные, и сложный (полный), склоняющийся как местоимения. Эти два типа различались также с точки зрения функции и значения. Считается, что фразы, содержащие полные формы прилагательных, были маркированы с точки зрения определенности, а сами прилагательные по своему значению были близки к сегодняшним формам с артиклем типа *новият, новата, новото*¹⁹.

¹⁹ М и р ч е в, К. Историческа граматика на българския език. С., 1978, 175–176; см. также: М о s z y ŋ s k i, L. Funkcje złożonej odmiany scs. przymiotnika w Kodeksie Zografskim. – Rocznik Slawistyczny, 53, 2003, 27–40; М о s z y ŋ s k i, L. Wstęp do filologii słowiańskiej. Warszawa, 2006, 274–275; Х а р а л а м п и е в, Ив. История на българския език. В. Търново, 1999, 105–108.

Фразы с краткими формами в свою очередь отличались неопределенностью²⁰.

В ходе развития языка – скорее всего в силу появления и распространения морфемы артикля – полные формы начинают постепенно терять свое значение определенных, что вначале приводит к их попеременному использованию наряду с краткими формами, а в результате – к их исчезновению.

В исследованном нами материале наблюдается употребление прилагательного в качестве единственного показателя категории в развернутых фразах, состоящих из двух элементов или построенных по принципу конъюнкции (ср. ниже). Стоит еще отметить, что в проанализированных фразах прилагательные выступают чаще всего в постпозиции (хотя и не без исключений) по отношению к существительному. Внимания заслуживает также факт, что среди фраз с прилагательным, классифицированных как общностные (без дополнительного показателя в виде напр. обобщающего местоимения) в данный период развития болгарского языка в качестве формальной реализации преобладают их полные формы. В качестве иллюстрации ниже приведены также предложения, в которых засвидетельствована ситуация, когда фразы из разных грамот отличаются друг от друга формой прилагательного (см. примеры [15] и [17]). Это факт (конкуренция полных и кратких форм) может рассматриваться как проявление постепенного исчезновения формально-функциональных различий между двумя типами прилагательных в рамках анализируемой категории.

3.5.1. Развернутые номинальные фразы. Тип: NP → (Adi._{L/S}) (+ ... +) Nom. Appell. + Adi._{L/S} (+ Adi._{L/S} ...)

[15] нѧ тѣми люми да не метеѧ ни кефалие срѣдашъское. то ни мѧ прахторѧ. ни кастрофиалци ни мѧ десатници. ни примикюре же ни алагаторѧ. потомъ ни перъпира. ке црѣва ми. ни житарѧ. ни винаре ни д е с а т к а р е п ч е л н и. и с в и н и. и ѡ в ч и (Вит. гр.)

[16] Такоже и градъ стѡвь никакоже да не имать ѡвласти нѧ ч л к ѡ м о н а с т и р ѣ с к ѡ. (Рил. гр.)

[17] да имь не смѣѧ забавлѣти, иже сѣ севасти и прахтори : и примикюри. и алагатори. ни сѣдѣе. потѡ ни перъпиракѧ. ни житарѧ. ни винаре. ни д е т к а р е п ч е л н и. и с в и н и. и ѡ в ч и. [...] ни крагоуѣрѧ же. ни песьаци. ни градарѧ. ни варъничѣ. и побиръчѣ. и находници. (Рил. гр.)

[18] Бл̄гоч̄стивно что, и с̄ѡлв̄ пр̄етно и похвално. въз̄ѡмь х̄ртолюбивый̄ цр̄емь. еже любити и желан̄ие тепло им̄ѡти к̄з̄ с̄ т ы й̄ и б̄ ж̄ т в н ы и м ь ц р̄ к в а м ь в̄з̄ ни х̄ же ѡбразъ б̄ѧ и чл̄ка (Рил. гр.)

3.6. В современном болгарском языке формальным показателем „общности“ часто бывает артикль. Появившийся скорее всего уже в староболгарский период, он генеалогически и функционально связан с классом указательных местоимений и первоначально выступает в своей основной функции, т.е. является показателем определенности – „единичности“. В связи с этим

²⁰ Стоит отметить, что наиболее последовательно краткие формы прилагательных выступали в экзистенциальных фразах – см. напр. приведенные выше публикации А. Кавецкой.

его отсутствие в исследованном материале не удивляет. Стоит однако обратить внимание на то, что уже в XVII в. (в новоболгарских дамаскинах) засвидетельствовано употребление артикля в функции показателя „общности“²¹.

4. На основе проведенного анализа можно отметить, что на рубеже XIII и XIV вв. среди предметных номинальных фраз, выражающих „общность“, значительную группу составляют неразвернутые фразы без формального показателя категории. Вполне объяснимым представляется факт, что в этот период среди формальных средств данной подкатегории не засвидетельствован морфологический показатель в виде постпозиционного артикля. Стоит однако подчеркнуть, что среди остальных типов показателей во фразах кроме обобщающих и отрицательных местоимений появляются также прилагательные, причем – если речь идет о частоте их употребления – относительно редко это бывают краткие формы. Хорошо прослеживаемая последовательность видна в свою очередь в использовании полных форм (особенно в конструкциях с коллективной „общностью“). Более того, их появление во многих случаях соответствует использованию форм с артиклями в современном болгарском языке. И хотя на данном этапе исследований невозможно категорически утверждать, что эти два типа форм функционально идентичны с перспективы категории „общности“ (такая констатация требовала бы гораздо более обширного анализа и прежде всего привлечения различного с жанровой точки зрения материала), то все же представляется, что существуют предпосылки для дальнейших исследований в этом направлении.

Перевел с польского *Иван Петров*

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ СОКРАЩЕНИЯ И СИМВОЛЫ

()	факультативное появление компонента в рамках фразы
/	или
>	соответствие структуры
...	периодическая повторяемость компонента в рамках фразы
Adi. _L	полная форма прилагательного
Adi. _S	краткая форма прилагательного
Nom. Appell.	нарицательное существительное
NP	номинальная фраза
Pron. Dem.	указательное местоимение
Pron. Gen.	обобщающее местоимение
Pron. Indef.	неопределенное местоимение
Pron. Neg.	отрицательное местоимение
Pron. Pers.	личное местоимение
Pron. Poss.	притяжательное местоимение
X	множество элементов

²¹ K a w e c k a, A. Określoność/nieokreśloność..., 160–161.

A FEW REMARKS ON UNIVERSALITY AS A SEMANTIC CATEGORY
IN THE DEVELOPMENT OF THE BULGARIAN LANGUAGE

(As Attested in Imperial Charters from 13th–14th c.)

(Summary)

The aim of the article is to depict the way in which the semantic category of universality (constituting a part of the category definiteness/indefiniteness) was realized in the surface structure of nominal phrases during the Middle Bulgarian period. The material analyzed consists of official imperial documents of 13th and 14th century Bulgaria.

Employing a modern methodology based on semantic criteria in diachronic research it was possible to isolate a number of basic classes of markers used to express the category of universality in the analyzed texts. In phrases of varying degrees of complexity there are, amongst others, indefinite and negative pronouns as well as common nouns with no formal category marker. The formal means expressing universality also include adjectives displaying both short and long inflection, attested with varying frequency depending on the form.

*Agata Kawecka
University of Lodz*